Но прежде чем амазонки успели увидеть, что произошло дальше, проекция резко прервалась: свет внезапно отступил обратно в капсулу и угас, оставив в недавно очень шумной комнате смертельную тишину, а толпа женщин-воинов ошеломленно замолчала от только что увиденного.

Однако в конце концов каждая из амазонок медленно вышла из своего транса и оглянулась на капсулу, на младенца и его детеныша, которые все еще крепко спали внутри.

"Клянусь богинями!" Меналиппа снова задыхалась.

"Он... он сирота". Сидипп понял.

"Она отдала свою жизнь... чтобы он мог жить". Энона прошептала.

"Она храбро сражалась". торжественно сказала Ипполита, обращаясь и к себе, и к Филиппусу, который стоял рядом с ней, все еще глядя в ту точку, где несколько мгновений назад были голограммы.

"Так и есть, ваше величество". Филиппус тихо согласился, второй командир королевы был так же покорен увиденным, и на несколько мгновений большинство амазонок почтительно замолчали, отдавая дань уважения последнему храброму поступку этой незнакомой им женщины Лауры.

Ипполита едва обратила на это внимание: она была слишком глубоко погружена в свои собственные тревожные мысли, видя, как эта женщина Лаура, эта мать, сражавшаяся с духом амазонки, отправляет своего ребенка в неизвестность, чтобы спасти его от верной смерти, смогу ли я сделать то же самое, отправить Диану прочь с Фемискиры в Мир людей ради ее собственной безопасности, если на Фемискиру обрушится какая-то угроза, от которой я не смогу ее защитить?

Королева, честно говоря, не знала, сможет ли она когда-нибудь сделать подобное, она лишь надеялась, что ей никогда не придется принимать такое ужасное решение, но, несмотря на собственные материнские страхи, Ипполита не могла не чувствовать себя тронутой преданностью этой женщины Лауры и ее мужа своему ребенку, готовых пожертвовать собственной жизнью ради его спасения.

Однако некоторые были не так тронуты.

"Это пустяк". Алкионе заявила это без малейшего сочувствия в голосе, после чего воительница со шрамом развернулась и с холодным взглядом нависла над металлической капсулой, где по-прежнему крепко спали мальчик и его детеныш.

Но ненадолго: Алкионе потянулась вниз и схватила спящего младенца за левую ногу, а затем

грубо подняла его в воздух.

Естественно, это быстро пробудило мальчика от дремоты, и он тут же начал плакать, а его щенок, который тоже уже проснулся, принялся злобно лаять на возвышающихся женщин.

"Молчи, дворняга!" Алкионе огрызнулась, хотя было непонятно, обращается ли она к лающему щенку или к плачущему младенцу, которого она продолжала держать вверх ногами не слишком нежным способом. Затем лысоголовая женщина вытащила с пояса жестокий на вид кинжал.

"Алкионе! Что ты делаешь!" в тревоге воскликнула Аканта.

"Похоже, что это я делаю". Алкионе зарычала, указывая кинжалом на середину плачущего ребенка. "Я выпотрошу это маленькое чудовище, пока оно не успело вырасти и не изнасиловать кого-нибудь из нас!"

"Нет, сестра, ты не можешь!" в панике запротестовала Сидиппа.

"Просто смотри на меня". Алкионе прицелилась в живот мальчика и отвела руку с кинжалом назад, готовая вонзить его в ребенка...

"Алкионе! Отпусти мальчика! Немедленно!" опасным тоном потребовал Филиппус, и все остальные амазонки поняли слова генерала как приказ старшего офицера, а не как просьбу сестры.

Капитан Круга Королевы долго и холодно смотрел на генерала армии амазонок, а затем, наконец, перемахнул ребенка обратно в капсулу и опустил его в нее с той же осторожностью, с какой опускают мешок с мусором.

Несмотря на то что мальчик приземлился на мягкую подушку, он тут же расплакался и застонал еще сильнее, как только его уронили, а его детеныш попытался его утешить, не сводя при этом удивительно злобного взгляда с Алкионы.

Филипп бросил взгляд на Алкионе, но лысоголовая женщина лишь с отвращением фыркнула, а Эпионе, стоявшая неподалеку от капсулы, быстро наклонилась и взяла плачущего младенца на руки.

"Успокойся, малыш, успокойся, все хорошо, все хорошо". Целительница говорила успокаивающе, делая все возможное, чтобы успокоить мальчика, но его болезненный плач становился все громче и громче, превращаясь в нападение на уши других амазонок.

"Кто-нибудь, заткните уже это отродье". раздраженно воскликнула Мирто, перекрывая вопли ребенка.

"Эпион, отдай мальчика мне". Ипполита приказала, протягивая руки, и главный лекарь островов довольно неохотно сделал это, а затем королева начала осторожно укачивать мальчика, напевая мелодию. На удивление, через несколько секунд младенец наконец перестал плакать и начал постепенно успокаиваться.

Убедившись, что он достаточно успокоился, Ипполита перестала напевать и прекратила нежные покачивания. К счастью, мальчик не возобновил плач, а лишь почти с благодарностью посмотрел на нее самыми потрясающими голубыми глазами, которые она когда-либо видела в своей жизни: не небесно-голубыми, как у нее или ее дочерей, а сапфирово-синими, сияющими, как звезды в темной ночи.

Прекрасные - вот единственное слово, которое королева могла подобрать для описания глаз младенца, когда она смотрела в них... а он смотрел прямо в ее глаза.

"Ваше Величество?" Ипполита подняла голову и увидела, что все ее сестры смотрят на нее, и, что еще более тревожно, прямо перед ней стоит Алкионе, капитан ее Круга Королевы.

"Моя королева, пожалуйста, передайте мальчика мне". Лысая женщина протянула руку, словно автоматически ожидая, что Ипполита выполнит ее просьбу. В другой руке она по-прежнему сжимала большой изогнутый кинжал, который только и ждал, чтобы его использовать. "Я позабочусь о том, чтобы он замолчал навсегда".

Ипполита отступила назад и притянула ребенка к себе, почти защищая его, но прежде чем она успела что-то сказать, Филиппус опередил ее. "Алкиона, что с тобой?"

"Что со мной? Что с вами, генерал?" Алкионе окинула Филиппуса холодным взглядом, а затем обратилась к остальным амазонкам в комнате.

"Вы все знаете закон, сестры: ни один человек не может ступить на остров Фемискира и остаться в живых, наш дорогой генерал, кажется, забыл об этом?" сказала капитан Круга Королевы, обращая свой холодный взгляд к маленькому ребенку на руках королевы, который под пристальным взглядом капитана заметно сжался в объятиях Ипполиты. "Жизнь мальчика была потеряна в тот момент, когда он прибыл к нашим берегам?"

"Алкионе, всем в этой комнате очевидно, что у ребенка не было выбора, чтобы приехать сюда?" Филиппа бросила на капитана ответный взгляд. "Кроме того, он не представляет для нас никакой угрозы, он всего лишь мальчик".

"Неважно, генерал, этот мальчик со временем вырастет в мужчину, а мужчинам запрещено жить на Фемискире". Чарис ответила за своего капитана. "По крайней мере, надолго".

"Мужчинам запрещено жить на Фемискире, Алкионе, а не детям". возразила Эпион. "Ребенок может быть мужчиной, но он все равно всего лишь ребенок, который ничего нам не сделал".

"Эпионе, ты же не предлагаешь нам позволить этому мальчику остаться здесь с нами?" спросила Филомела, искренне ужасаясь этой идее.

http://tl.rulate.ru/book/105305/3720637